

ОФИЦЕРЫ «СИБИРСКОГО ГАРНИЗОНА» В СЕРЕДИНЕ 1780-х гг.

Анализируется кадровый состав офицерских чинов гарнизонных батальонов Сибирского корпуса на протяжении 1780-х гг. На основе ранее не изученных архивных материалов восстановлены его показатели по основным параметрам: происхождению, материальному положению, карьерным особенностям, боевому опыту и дисциплинарным показателям. Сделаны выводы о преобладании среди сибирских офицеров выходцев из непривилегированных сословий, низком уровне их материального благосостояния, неблагоприятном в целом положении на фоне других частей русской армии к концу правления Екатерины II.

Ключевые слова: Сибирский корпус; гарнизонные части; офицеры; русская армия.

История существования на территории Сибири подразделений русской регулярной армии на протяжении XVIII столетия в последнее время достаточно активно изучается исследователями. В ряде публикаций восстановлена фактическая картина тех организационно-структурных преобразований, которые производились в отношении воинских частей Сибирского корпуса во второй половине XVIII в., особенно в период царствования императрицы Екатерины II [1–3]. Однако персональный состав офицерского корпуса этих частей до сих пор почти не становился предметом специального анализа. Конечно, информация о лицах, носивших штаб- и обер-офицерские чины, содержится в работах, посвященных изучению отдельных сословных групп сибирского населения или аппарата местного управления в Сибири эпохи империи [4–8], но при этом носит, как правило, фрагментарный характер. Наиболее подробно эти аспекты исследуются С.В. Андрейчуком [9, 10], хотя и не на всем протяжении интересующего нас хронологического периода. Мы же считаем необходимым изучить и проанализировать именно персональный состав лиц, несших в Сибири воинскую службу в офицерских чинах к середине 1780-х гг., тем более что аналогичные данные по нескольким предшествующим десятилетиям уже введены нами в научный оборот [11].

Источниковой базой для решения поставленной задачи служат так называемые офицерские сказки, т.е. формулярные списки из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА. Ф. 490 – «Коллекция офицерских сказок»). В ходе работы нами были использованы данные за 1784 г., относящиеся к офицерскому корпусу девяти гарнизонных пехотных батальонов, дислоцированных в Западной Сибири. Изученные нами формулярные списки содержат сведения о сословном происхождении, этапах карьеры, боевом опыте и дисциплинарных показателях штаб- и обер-офицеров сибирских гарнизонных батальонов (об особенностях данного типа источников см.: [12]). Анализ этих сведений позволяет дать по указанным параметрам обобщающую картину того, что представлял собой офицерский корпус «Сибирского гарнизона» к середине 1780-х гг., какие люди несли службу на восточной окраине Российской империи и насколько велики были отличия кадрового состава сибирских батальонов в сравнении с другими частями русской армии.

На 1784 г. в Западной Сибири располагались девять из 12 гарнизонных батальонов Сибирского корпуса – еще три находились в Забайкалье. 1-, 2- и 3-й Тобольские, а также Томский батальоны были сосредоточены в Тобольске и Томске соответственно, а 1-й и 2-й Омские, Бийский, Петропавловский и Семипалатинский расквартированы по крепостям Пресногорьковской, Иртышской и Колывано-Кузнецкой пограничных укрепленных линий. Первые четыре батальона были сформированы в 1764 г. при раскассировании гарнизонных пехотных полков, а пять линейных выделены в 1771 г. из состава драгунских полевых полков [2. С. 41; 3. С. 23; 13. С. 134, 136, 187–188, 190; 14. С. 33–34]. Всего по спискам в их составе насчитывалось 18 штаб-офицеров в рангах премьер- и секунд-майоров и 150 обер-офицеров, от капитанов до прапорщиков, всего 168 чел., комплектных и состоявших «сверх комплекта» (все данные приводятся нами по: [15. Л. 325–381; 16. Л. 786–850]). Состоящими «сверх комплекта» считались в русской армии XVIII в. те офицеры, которые при зачислении в состав того или иного полка / батальона не могли рассчитывать получить должность согласно своим чинам, поскольку все соответствующие вакансии были уже заняты и поэтому должны были дожидаться, пока для них освободятся места, занимая свободные вакансии в чинах ниже тех, которыми обладали сами). При этом сразу же бросается в глаза то обстоятельство, что картина сословного происхождения этих лиц разительно отличается от ситуации нескольких предшествующих десятилетий и выглядит весьма своеобразно.

Прежде всего, обращает на себя внимание заметное падение доли представителей российского дворянства среди обер-офицеров «Сибирского гарнизона» – на девять батальонов их насчитывалось всего 22 чел. (менее 15%). Еще трое показывали себя сибирскими дворянами и детьми боярскими, а 19 чел. числились сыновьями штаб- и обер-офицеров (здесь и далее подсчет наш. Обер-офицерскими детьми назывались сыновья гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины «обер-офицерских» классов – от XIV до XI по Табели о рангах, дававшие не потомственное, а только личное дворянство, и сыновья офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего потомственное дворянство, см.: [17. С. 55]). Однако к дворянам, обладавшим земельными владениями и

крепостными крестьянами, всех их отнести было невозможно. Таким образом, из 44 чел., чьи отцы имели «природное» или выслуженное дворянское достоинство, настоящими представителями «благородного шляхетства», владельцами имений оказывалась ровно половина. Для сравнения: в 1772 г. доля «природных» дворян в гарнизонных батальонах Сибири составляла 23%, штаб- и обер-офицерских детей – 11% (аналогичная картина наблюдалась и в трех гарнизонных батальонах, дислоцированных в Забайкалье. По данным за 1786 г., из 36 обер-офицеров к «природным» дворянам относились лишь 5 чел., еще шестеро показывали себя штаб- и обер-офицерскими детьми, см.: [18. Л. 19–25, 230–251]). Налицо «размывание» дворянского контингента сибирских батальонов выходцами из семей, лишь недавно приобретших «благородный» статус, и сокращение в офицерской среде числа обладателей земель и крепостных душ.

Более того, даже материальное благосостояние этих последних также оставляло желать много лучшего. Если в предыдущие десятилетия мы можем обнаружить на службе в Сибири ряд лиц, относившихся к помещикам среднего достатка, владельцев сотни и более крепостных душ мужского пола (далее м.п.), то теперь единоличным обладателем более сотни душ м.п. оказался только один человек – состоявшийся на вакансии сержанта во 2-м Тобольском батальоне прапорщик В. Чуфаровский, владелец 120 душ в Воронежской губернии. Впрочем, он и попал сюда не по своей воле: согласно высочайшему указу его, бывшего капрала лейб-гвардии Преображенского полка, 12 лет назад отправили в Сибирь как замешанного в деле о заговоре в пользу возведения на престол великого князя Павла Петровича: «По некоторым важным делам лейб-гвардии Преображенского полку по лишении капральского чина был наказан розгами и послан в Сибирь, коего без особливаго указа ни в какия чины производить и из Сибири во всю жизнь внутрь России отлучать не велено» [16; Л. 829 об., 830] (об этом деле см.: [19. С. 330]).

Из всех же остальных мог не причислять себя фактически к неимущим дворянам, имея хотя бы более 20 душ м.п., только один человек – поручик Бийского батальона И. Щетнев, владелец 25 душ в Ярославской губернии [15. Л. 374 об., 375]. Прочие либо показывали за собой буквально несколько семейств крепостных, либо утверждали, что душевладельцами являются их отцы, матери или братья. Шестеро же и вовсе не располагали собственными крепостными. Подобная картина наглядно демонстрирует, как низко упал к последним десятилетиям XVIII в. престиж гарнизонной службы в стране в целом и за Уралом в частности. Если еще в середине столетия в сибирских гарнизонных частях еще можно было встретить представителей княжеских (!) фамилий, то к середине 1780-х гг. даже выходцы из российских дворянских семейств уже стали здесь редким явлением.

Равным образом служба в «Сибирском гарнизоне» перестала быть привлекательной и для иностранцев. За каких-нибудь 15–20 лет, прошедших с момента расформирования полков Сибирского корпуса и пре-

обладания в его структуре отдельных батальонов, число европейцев и прибалтийских немцев («остзейцев») в гарнизонных частях резко уменьшилось. В изученных нами списках за 1784 г. таковых удалось обнаружить лишь 11 чел. Причем, как правило, оказывалось, что эти люди уже бесповоротно решили связать свою судьбу с Россией до конца жизни. Швед Г. Лилиенгрейн, капитан Петропавловского батальона, «принял веру греческого исповедания и состоит вечно в российском подданстве»; поляк И. Пршемисский из Семипалатинского батальона заявлял, что «по отставке в свое отечество отъехать не желает, а состоит вечно в российском подданстве» [15. Л. 333 об., 334, 336 об., 337]. Его сослуживец И. Вейкман, австриец, родившийся в г. Гданьске (Данциге), поступил вольноопределяющимся на службу в русской армии и также «по отставке в отечество ехать не желает, а обязался быть в вечном российском подданстве». Только прапорщик Бийского батальона К. Блюм, уроженец Ганновера, оговорил, что «в российскую службу вступил временно, покамест желание его будет, а по отставке в свое отечество отъехать желает» [15. Л. 356 об., 357, 362 об., 363]. Отметим, что в списках фигурируют также один из представителей известной впоследствии фамилии военачальников – 25-летний эстляндец Петр Буксгевден, прапорщик Томского батальона, и разжалованный из секунд-майоров в прапорщики Ерофей де Гаррига, сын полковника Ф. де Гарриги, принадлежавший к известному в Сибири клану испанских дворян, каталонских выходцев [15. Л. 369 об., 370; 16. Л. 797 об., 798].

Подавляющее же большинство среди офицеров составляли выходцы из семей рядовых военнослужащих, солдат и драгун. Между прочим, этот факт доказывает, что даже к концу XVIII столетия русская армия сохраняла свое значение как один из каналов вертикальной социальной мобильности: по прошествии более полувека со времен петровских реформ все еще сохранялась возможность выслужить причисление к дворянству по Табели о рангах. В этом смысле, хотя время правления Екатерины II справедливо именуют «дворянским веком», но на офицерском корпусе армии, особенно гарнизонных частей, это обстоятельство не слишком сказывалось. При этом некоторым из этих людей удавалось достигнуть даже высших обер-офицерских званий в сравнительно короткие сроки. Так, Я. Микишенков достиг капитанского чина во 2-м Омском батальоне, когда ему исполнилось только 35 лет, в 1780 г. прапорщик Петропавловского батальона М. Шухов был произведен в первый обер-офицерский чин в 1779 г., будучи в возрасте 31 года [15. Л. 338 об., 339, 360 об., 361]. Впрочем, возраст большинства лиц в чинах прапорщиков и поручиков на момент составления списков колебался в пределах от 40 до 50 лет, поэтому рассчитывать на успешное продолжение карьеры в течение долгого времени им вряд ли приходилось. Указанные случаи выглядели все же скорее исключением, нежели правилом. Лишь в 3-м Тобольском батальоне мы находим еще двоих человек, дослужившихся до прапорщиков перед тем, как им исполни-

лось 30 лет, – Я. Мокринского (сын капрала) и Г. Вавилова (солдатский сын из Тобольска) [16. Л. 835 об., 836].

Наряду со сравнительно молодыми офицерами в составе сибирских батальонов можно было встретить и сверхзаслуженных ветеранов, начинавших карьеру еще в 1730-х гг., помнивших времена императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) и фельдмаршала Б.-Х. Миниха. Капитан 1-го Тобольского батальона Д. Недозрелов служил с 1729 г., в 1784 г. ему стукнуло уже 74 года! Подпоручик на вакансии прапорщика в Томском батальоне И. Даев нес службу с 1733 г., ему исполнилось к этому моменту 76 лет. Прапорщику того же батальона А. Вялову, сыну сибирского казака из г. Нарыма, исполнился 71 год, в своем нынешнем чине он состоял уже более 20 лет [16. Л. 789 об. – 791, 807 об. – 809]. Заметим, что таких людей можно было встретить лишь в батальонах, дислоцированных во внутренних городах Сибири. Из состава офицеров – выходцев из непривилегированных сословий, несших службу на пограничных линиях, самыми пожилыми были трое человек в возрасте 57 лет: поручик Бийского батальона Г. Бруцын (из крестьян при демидовских заводах), прапорщик того же батальона С. Глазков и поручик 1-го Омского батальона С. Черноусов (оба – солдатские дети) [15. Л. 350 об., 351, 375 об., 376, 377 об., 378]. Впрочем, это вполне объяснимо, ведь служба на пограничных линиях и в крепостях вряд ли была по силам людям, уже перешагнувшим 60-летний рубеж.

Несколько иначе выглядела картина сословного происхождения штаб-офицеров рассматриваемых 9 батальонов. Из 18 чел. пятеро принадлежали к российскому дворянству, еще один происходил из сибирских дворян, а еще трое относились к штаб- и обер-офицерским детям. Правда, должности батальонных командиров занимали всего трое: секунд-майор И. Зеленой (из дворян Псковской губернии) во 2-м Омском, премьер-майор С. Красноперов в 1-м Омском и секунд-майор Н. Поляков в Семипалатинском (оба из обер-офицерских детей). Остальные шестеро числились «сверх комплекта». Упомянутый майор Зеленой даже указывал за собой «по последней ревизии написанных по городу Омску в подушной оклад мужеска полу 21 душу», а секунд-майор на капитанской вакансии при 3-м Тобольском батальоне А. Матигоров (сибирский дворянин) имел за собой «крестьян 24 души Ялutorовского дистрикта в деревне Коптелях» [15. Л. 328 об., 329; 16. Л. 849 об., 850]. И.В. Зеленой впоследствии был комендантом г. Тары и все еще проживал там в 1806 г., когда его посетил, возвращаясь из своей поездки в Сибирь, известный мемуарист Ф. Вигель, так его охарактеризовавший: «О самой России, где он никогда не бывал, говорил он почти как о чужом государстве; признавался, однако же, что перед смертью хотелось бы ему хотя раз взглянуть на *Питенбурх*» [20. С. 393]. Отметим также, что среди них был и обладатель княжеского титула – «сверх комплекта» секунд-майор Бийского батальона Н. Дивеев. Двое «остзейских» дворян, уроженцев Лифляндии – командир того же батальона секунд-

майор И. Kleитин и состоявший на капитанской вакансии в Петропавловском батальоне секунд-майор М. Фишер – завершали список представителей привилегированных сословий [15. Л. 326 об., 327, 343 об., 344].

Двое батальонных командиров были выходцами из семей церковнослужителей. Секунд-майору А. Соколову (Петропавловский батальон) уже исполнилось 70 лет, однако он все еще продолжал свою службу; секунд-майор Ф. Серебряков (1-й Тобольский батальон) был на шесть лет моложе [15. Л. 327 об., 328; 16. Л. 806 об., 807]. 2-м Тобольским батальоном командовал секунд-майор Д. Пушкарев, сын унтер-офицера, командирами 3-го Тобольского и Томского батальонов состояли секунд-майоры И. Журавлев и Ф. Лебедев соответственно, оба из солдатских детей [16. Л. 786 об., 787, 822 об., 823, 847 об., 848]. Все это также были люди весьма преклонного возраста, для которых их нынешние должности являлись пределом карьерных достижений. Словом, хотя и в гарнизонной службе к этому времени еще можно было рассчитывать достигнуть штаб-офицерских чинов и дворянского достоинства, однако пользовались этой возможностью не многие.

При этом заметим, что весьма значительная доля офицеров обладали вполне реальным боевым опытом, участвовали в ряде походов и военных кампаний. Из 168 чел. таковых насчитывалось по спискам 79, т.е. более 45%. Для гарнизонных батальонов Сибирского корпуса, расквартированного вдали от европейского и турецкого театров боевых действий, где и велась большая часть войн XVIII столетия, такая цифра выглядит очень весомой. Впрочем, эта цифра может быть объяснена двумя факторами. Во-первых, именно в правление Екатерины II получила широкое распространение практика перевода на гарнизонную службу в Сибири офицеров из полевых армейских частей, ранее принимавших участие в войнах, которые вела страна на западном и южном направлениях [21. С. 106, 107]; во-вторых, десятилетием ранее, в 1774 г., ряд подразделений из состава Сибирского корпуса были брошены на борьбу с отрядами Е. Пугачева, пытавшимися проникнуть за Урал [22]. Так, у 36 чел. в их формулярах отмечено: «В походах был в Табольской и Оренбургской губерниях во время внутреннею замешательства». Кроме того, 16 чел. участвовали в Семилетней войне (1756–1762), 12 – в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., еще пятеро – в боевых действиях против Барской конфедерации на территории Речи Посполитой в конце 1760-х гг., шестеро – в Русско-шведской войне 1741–1743 гг. Наконец, семеро были задействованы в мелких стычках и боевых столкновениях уже на территории Сибири или на пограничных линиях с кочевыми противниками.

Понятно, что ценность боевого опыта, приобретенного на поле боя против регулярной армии, неорганизованных пугачевских отрядов или кочевников, различалась. Тем не менее в целом ряде случаев офицеры действовали отважно, получали ранения или увечья. Так, прапорщик Петропавловского батальона В. Вяткин в 1774 г. «был возмутителями захвачен и представлен к самому злодею (Пугачеву. – *А.Д.*), от

коего и велено было умертвить его, однако при разбитии под Троицкою крепостью тово злодея со всею толпою господином генерал-поручиком и ковалером Деколонгом от тово освобожден был» [15. Л. 353 об., 354]. Поручик 3-го Тобольского батальона И. Соколов также сражался с пугачевцами: «Будучи в Уковской слободе, в сражении теми злодеями ранен левой ноги в икру копьем, и голова саблею разрублена, где и захвачен в полон, отколь отвезен ими в Челябинскую крепость, где и был в полону недель шесть... взят вооруженною рукою ис полону полевых полков секунд-майором Гагриным» [16. Л. 832 об., 833]. Капитан Бийского батальона И. Бурцов в 1759 г. был в составе партии, направленной «для искоренения отложившихся от протекции и кроющихся в горах зенгорских калмык (джунгар. – *А.Д.*), и во время сражения ранен стрелою в правую ногу» [15. Л. 356 об., 357]. Прапорщик Томского батальона А. Вялов участвовал в отражении казахов от Омской крепости, был ранен стрелой в левую ногу, также служил в составе Анадырской партии, ведшей боевые действия на крайнем северо-востоке Сибири, «где претерпевал голод и несносную стужу» [16. Л. 789 об., 790].

Секунд-майор Ф. Лебедев, командир Томского батальона, за годы службы побывал сразу в нескольких крупных военных конфликтах. Пройдя всю Семилетнюю войну, он участвовал в сражениях при Гросс-Егерсдорфе в 1757 г. и под Цорндорфом в 1758 г., где был ранен в левый висок и захвачен в плен пруссаками. После освобождения путем размена он находился при осаде Кольберга вплоть до падения крепости в конце 1761 г. Затем он действовал на территории Речи Посполитой против повстанцев Барской конфедерации в 1768–1769 гг. Оттуда в 1770 г. в составе резервного корпуса генерал-поручика фон Штофельна Лебедев совершил поход в Молдавию и Валахию, находясь в 1-м гренадерском полку, участвовал в сражениях под Бухарестом и Джурджу против турок («при взятъе двух неприятельских ретраншементов (внутренняя оборонительная постройка в виде ограды или вала со рвом, расположенная позади главной позиции. – *А.Д.*) и занятии оарпоста находился в самых действиях»); затем служил на Кавказе и в Крыму, а после аннексии Крыма Российской империей в 1783 г. был переведен из полевых частей на службу в «Сибирский гарнизон» [16. Л. 786 об., 787].

Не менее насыщенной оказалась карьера состоявшего на капитанской вакансии в 1-м Тобольском батальоне секунд-майора Г. Медведкова, пусть и не бывавшего за пределами Сибири: «С начала определения ево в службу находился на пограничных Колыванской и Кузнецкой линиях, и будучи драгуном, во многократных партиях и разъездах за поиском неприятельских воровских людей бывал и сверх того там же на линиях обращался при секретных и несекретных письменных делах, и по секретной экспедиции с начала принятия в 756 в российское подданство зенгорских калмык, которых по выходе в переписи чрез ево руки было более 4 тысяч человек, даже до отправления их на Волгу, и потом на Кузнецкой линии в крепости Бийской при секретной следственной камии,

да и в протчих разных многотрудных должностях... и атестаты имеет за подписанием бывших в то время на линиях брегадных командиров и протчих штаб- и обер-офицеров» [16. Л. 807 об., 808]. Заметим, что бывали также случаи возвращения на службу в Сибири лиц, ранее покидавших восточную часть империи: так, поручик Иркутского батальона В. Ульянов еще в 1769 г. в составе Селенгинского пехотного полка проделал со своим полком маршбросок от китайской границы до Крыма, в 1770 г. совершил поход на полуостров, а после завершения Русско-турецкой войны в 1774 г. снова очутился за Уралом, действовал против пугачевских отрядов, впоследствии же вернулся в Забайкалье [18. Л. 22 об., 23]. Словом, боевой опыт, полученный в предшествующие периоды сибирскими офицерами, оказывался достаточно разнообразным и практически значимым.

Вместе с тем необходимо отметить, что с точки зрения дисциплинарных показателей офицерский корпус сибирских батальонов выглядел не слишком благополучно: в разное время побывали под следствием или военным судом, совершали те или иные нарушения дисциплины и воинского порядка 69 чел. (41%), в том числе и четверо штаб-офицеров. Разительный контраст с периодом середины XVIII столетия, когда доля офицеров гарнизонных частей, обвиняемых в каких-либо проступках, не превышала 10% [23]! Даже десятилетием ранее, в 1772 г., этот показатель был меньше, составляя 32,5%. При этом наиболее распространенными случаями оказывались разного рода махинации с деньгами или имуществом, а также всевозможные экзотические поступки, «непорядки, шумства и продерзости», совершенные «в пьяном образе». В случае буквального применения к нарушителям соответствующих норм устава многим грозило бы вечное разжалование, а то и еще более печальная участь. Однако сибирский губернатор Д. И. Чичерин (1763–1781), как правило, ограничивался довольно нестрогими мерами, почти не прибегая к тяжелым наказаниям.

Обратим внимание на некоторые примеры подобного рода. Так, капитаны 2-го Омского батальона П. Иванов и П. Каргаполов поплатились за махинации с запасами хлеба в казенных магазинах Коряковского форпоста. В их следственном деле фигурировали фальшивые рапорты о приеме несуществующего провианта, продаже казенного хлеба, утайке вырученных за него денег и т.д. За это оба были приговорены в декабре 1779 г. к разжалованию и службе в рядовых до тех пор, пока не возместят казне понесенный убыток, поставив от себя недоданные запасы провианта: ржаной муки, круп, ячменя и овса. Однако уже в 1783 г. Иванов и Каргаполов получили обратно свои капитанские звания [15. Л. 339 об. – 341]. Поручик 2-го Тобольского батальона П. Заев, в бытность казначеем при провиантской комиссии в Тобольске, присвоил более 250 руб., полученных в качестве пошлин от купца Назимцова, заключившего с казной контракт на постройку дощаников к перевозке провианта и заготовку для них пеньковых снастей. В результате по

суду было принято решение о взимании с него искомой суммы, «коя за неимением у поручика Заева собственного имени и взыскивается вычетом из жалования» [16. Л. 824 об. – 826]. Капитан Бийского батальона А. Димов в 1782 г. был уличен в целом ряде эпизодов получения взяток от солдат и казаков. Приговор военного суда гласил: «Арестован был неделю и содержан на хлебе и воде с вычетом за месяц на гошпиталь жалования с тем, чтоб ево никуда х командованию не определять, а быть со употреблением должной службы при штабе, взятые ж им с казаков взятки все взысканы, и кому что следовало во удовольствие отданы» [15. Л. 334 об., 335]. Однако это не помешало признать его в 1784 г. достойным к повышению в чине.

Весьма разнообразными оказывались проступки, совершенные офицерами «в пьянстве» или даже попросту в силу скверного и несдержанного характера. Капитан Петропавловского батальона Н. Маврин неоднократно оскорблял своих сослуживцев и избивал подчиненных: в 1768 г. он ругал «поносительными словами» капитана Потресова и называл разбойником капитана Евдокимова; в 1773 г. избил сержанта Чернорядского, будучи «в подгулке» и именуя того «киренским богом», после чего получил последнее предупреждение: «Естли он впредь состояние свое не поправит, то особливой команды не давать, а находитца всегда у командира старше ево, и хотя в малом чем окажется, то предан будет воинскому суду». А в 1779 г., расследуя в Пресногорьковской комендантской канцелярии утрату книг с записями о делах, Маврин истязал «безвинно и бесчеловечно» канонира Зайцева, за что сам «на неделю был арестован, и содержался в гобвахте (на гауптвахте. – А.Д.) на хлебе и воде, и взыскано в штраф на гошпиталь за месяц» [Там же. Л. 331 об., 332]. Капитан Бийского батальона И. Бурцов еще десятилетием ранее, в 1774 г., оказался под следствием «за неумеренное в ночное время в пьяном образе сечение плетьюми женки Катерины Нестеровой, отчево оная вскоре умре». За это непредумышленное убийство он был разжалован в прапорщики, в 1784 г. продолжая службу в этом чине. Более того, комендант Бийской крепости полковник Т. фон дер Рооп (фон Дероп) и командующий Сибирским корпусом генерал-поручик Н. Огарев сочли его достойным к повышению в звании [Там же. Л. 356 об., 357]!

Поручик 2-го Омского батальона П. Томилов много лет вел разгульный образ жизни, неоднократно учинял дебоши. В 1777 г. «за пьянство и необычную на верховой лошади по улицам езду, крик и протчие чести афицерской неприличные поступки» он был посажен под караул, а уже через пару месяцев «за битие бесчеловечно ходящего от полиции дозором з десятниками казака Кислова по аресте содержался на конюшне». В сентябре 1779 г. Томилов, находясь в Омске, «будучи в пребезмерном пьянстве, за стрельяние из ружья в казенной правиянтской магазине, а потом в ночное время в казенной же покой, где квартировал баталионной командир пример-майор Красноперов, арестован был на две недели и содержан в гобвахте на хлебе и воде». В 1782 г. он бил окна в батальонной канцелярии, ругал сослуживцев-

офицеров и их жен «всякими непристойными скверными словами»; наконец, в 1783 г., находясь на Иртышской линии в Подстепном станце, «во оном чинил безмерное пьянство и шумство, в котором и брал башкирских лошадей для привозу из фарпоста Коряковского вина, и сам в пьяном же образе на оных ездил, а за недачу ему лошадей тех башкирцов штрафовал тростями из своих рук и плетью неоднократно». Омский комендант полковник Я. Ханин вынужден был признать, что «от нево к поправлению состояния своего не предвидитца, и всегда находитца в пребезмерном пьянстве, в котором и делает не по чести своей большие озорничества, за которые ево беспорядочные и худые качества» невозможно считать Томилова достойным к повышению в чине [15. Л. 373 об., 374].

Встречались подобные типы и в гарнизонных батальонах Тобольска и Томска. Прапорщик Томского батальона Ф. Остафьев, сын атамана сибирских казаков, неоднократно появлялся на службе, в том числе для несения караула при городском тюремном остроге, в пьяном виде. Не помогали исправить его поведение ни крепкие выговоры, ни содержание на гауптвахте на хлебе и воде. В 1781 г. он явился на квартиру к батальонному командиру «весьма в подгулке, не имея никакого дела и обмарав все ноги в грязь, чем обеспокоил тово баталионнаго командира... на отданной же приказ для некотораго дела чрез правящаго адъютанскую должность и других троекратную повестку к баталионному командиру не пришел и учинил ослушание, а назавтра... пришел и извинился, што был с похмелья, и с тово ево немало ломало, и не мог тово дни идти» [16. Л. 791 об. – 793].

Прапорщик «сверх комплекта» Томского батальона И. Панов отличался неумеренной склонностью к азартным играм, в 1775 г. затеяв в кордегардии тюремного острога игру в карты с прапорщиком Ерохиным, он проиграл весь бывший на нем мундир и шинель, так что ночью прибежал к дому воеводы в одной рубашке и ломился к нему в двери. Несколько раз он избивал своих подчиненных, несших караул вместе с ним, за что в 1781 г. «судим был воинским судом и приговорен был за многия непорядки к смертной казни, точию по конфермации командующаго генералитета от оной избавлен с тем, чтоб он под лишением чина афицерскаго» воздерживался от дальнейших проступков. Это не помогло: уже в 1783 г. Панову предъявили из Томской комендантской канцелярии длинный список обвинений, включавший «изодрание секретнаго приказа... самовольной выезд из города в татарские юрты бес повеления командирскаго и розглашение во оных татарам, якобы он послан от нижняго земскаго суда для выбору в князцы другога, чрез что учинил между таким азиатским народом роздор и возмущение и присудственное место оболгал... приход в комиссию и к баталионному командиру в пьяном образе... уход в ночное время с салдатом Нехорошевым в питейныя дома и пьянство... ограбление у крестьянина Аргунова денег и в получении из оных себе части» [Там же. Л. 793 об. – 796]. За все эти прегрешения он в 1784 г. находился «под арестом и скованной в железах».

Понятно, что столь экзотические примеры многочисленных преступлений, совершенных одними и теми же людьми, встречались нечасто. Однако сам факт того, что более 40% офицеров из состава гарнизонных батальонов Сибири побывали под судом, свидетельствует о весьма неблагоприятной ситуации с точки зрения военной дисциплины и соблюдения действующего законодательства. Складывается устойчивое впечатление, что к 80-м гг. XVIII столетия служба в частях «Сибирского гарнизона» превратилась в тяжелую повинность, не сулящую никаких выгод или престижа, так что угодившие сюда люди предпочитали топить свои горести в вине или бросать вызов заведенному порядку разнообразными выпадами и проступками. Эта картина выглядит тем более удивительной, что ряд исследователей оценивают внутренний микроклимат и взаимоотношения между военнослужащими в армии екатерининской эпохи как довольно благоприятные [24. С. 132, 167–168, 173; 25. С. 64, 70–71, 84–85]. Однако и из этого правила, как видим, бывали существенные исключения.

Таким образом, ближе к концу XVIII в. личный состав офицерского корпуса гарнизонных батальонов Сибирского корпуса по ряду параметров заметно отличался от других армейских подразделений данного периода. Значительное преобладание, особенно среди обер-офицеров, выходцев из непривилегированных сословий, низкий уровень материального благосостояния даже представителей дворянства, медленное повышение в чинах – все эти факторы, видимо, делали сибирскую гарнизонную службу малопривлекатель-

ной. Правда, немалая доля лиц, обладавших реальным боевым опытом, показывает, что верховная власть не собиралась отступать от взятого уже ранее курса на комплектование гарнизонных частей Сибири офицерами, ранее служившими в полевых войсках, да и участие в подавлении пугачевского восстания не могло пройти даром. Однако удручающе высокие показатели дисциплинарных правонарушений и преступлений свидетельствуют о том, что как при исполнении служебных обязанностей, так и в повседневном быту положение офицеров сибирских батальонов оказывалось в этот период неблагоприятным.

Подобная картина позволяет лучше понять, почему через 12 лет преемник Екатерины Павел I сразу после своего вступления на трон занялся наведением порядка в армии и «закручиванием гаек». Необходимость контроля за финансовой и хозяйственной деятельностью офицеров, равно как и удержания их от жестокого обращения с подчиненными и гражданским населением, если судить по изученным нами материалам, не требовала доказательств. Вместе с тем, на наш взгляд, данный сюжет показывает актуальность и ценность разработки проблемы того, какое место занимали и какую роль играли военнослужащие в жизни Российской империи XVIII столетия, уже не на абстрактно-обобщающем, а на конкретно-историческом уровне. Без привлечения содержащихся в источниках сведений о лицах, состоявших на военной службе, характере и деталях последней решение этой проблемы представляется нам практически невозможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект). Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2007. 414 с.
2. Андрейчук С.В. Становление Сибирского корпуса : структура, численный состав и принципы дислокации (1745–1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 38–42.
3. Зуев А.С., Дмитриев А.В. Армейские регулярные части в Сибири в XVIII – начале XIX в. : численность, состав, дислокация // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 1 : История. С. 17–29.
4. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. 299 с.
5. Исулов С.Ю. Бийск: острог, крепость, город. Бийск : Бийск. гос. пед. ин-т, 1999. 343 с.
6. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в. : организация и состав государственного аппарата. Москва ; Новосибирск : Древлехранилище, 2003. 408 с.
7. Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск : ИД Сова, 2005. 264 с.
8. Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. 444 с.
9. Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
10. Андрейчук С.В. Источники комплектования и личный состав регулярных полков Сибирского корпуса (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых : сб. материалов I Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 60–66.
11. Дмитриев А.В. Гарнизонные части русской армии на территории Сибири в 1740-е гг. // Единорог : Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени / гл. ред. А.В. Малов. М., 2011. Вып. 2. С. 132–146.
12. Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель / сост., вступ. ст., оформл. К.В. Татарникова. М., 2013. Т. 1. С. 3–42.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 43, ч. 1: Книга штатов. 864 с.
14. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1899. Ч. 4. 228 с.
15. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 490. Оп. 5. Д. 494.
16. РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 508.
17. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М. : Воениздат, 1993. 368 с.
18. РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 510.
19. Мыльников А.С. Петр III : Повествование в документах и версиях. М. : Молодая гвардия, 2002. 512 с.
20. Вигель Ф.Ф. Записки. М. : Захаров, 2003. Кн. 1. 608 с.
21. Дмитриев А.В. Боевой опыт офицеров гарнизонных батальонов Сибири в начале 1770-х гг. : опыт анализа данных послужных списков // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых : сб. материалов III Всерос. молодеж. науч. конф. (Новосибирск, 21–24 августа 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 100–107.

22. Андрейчук С.В. Особенности укомплектования и снабжения Сибирского корпуса в начале 1770-х гг. : опыт и проблемы // Вестник алтайской науки. 2009. № 3 (6). С. 121–129.
23. Дмитриев А.В. Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии середины XVIII в. : (социально-политическая адаптация военнослужащих в условиях Сибири) // Исторические исследования в Сибири : проблемы и перспективы : сб. материалов IV регион. молодежн. науч. конф. (Новосибирск, 22–24 августа 2010 г.). Новосибирск, 2010. С. 54–62.
24. Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Русская пехота, 1698–1801 : Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М. : АСТ, 1995. 296 с.
25. Волкова И.В. Русская армия в русской истории. М. : Яуза ; Эксмо, 2005. 640 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2016 г.

“SIBERIAN GARRISON” OFFICERS IN THE MIDDLE OF THE 1780S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 64–71.

DOI: 10.17223/15617793/406/10

Dmitriev Andrey V. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: khaldeus@academ.org

Keywords: Siberian corps; garrison units; officers; Russian army.

The article is devoted to studying the officer corps' personnel of the Siberian garrison units in the 1780s, which has not been an object for special analysis till nowadays. The author used the so-called “officers’ tales”, records of services from the Russian State Military History Archive funds to achieve his goal. The study is based on the data for year 1784, including the officers’ corps of nine garrison infantry battalions stationed in Western Siberia. These records of services contain information about the social origin, career stages, battle experience and disciplinary indexes of Siberian garrison battalions’ officers. The analysis of this information allowed making some general conclusions on what kind of people had been conducting military service in the eastern regions of the Russian Empire, and what differences could be found in comparison of Siberian battalions with any other units of the Russian Army. After working with archive materials the author came to a conclusion that the officers’ corps of Siberian garrison battalions were clearly different from other army units by the end of the 18th century in the parameters mentioned above. People from non-privileged social groups significantly prevailed among the officers, the material welfare level was quite low even for the nobles, promotion was really slow – all these causes made military service in Siberia unattractive. On the other hand, there was a considerable number of people with battle experience, which proves that the supreme power continued its previous policy of recruiting officers from field units to the Siberian garrison battalions. Some of them took part in the suppression of Pugachev’s rebellion in the past. But painfully high indexes of crimes and violation of laws give evidence that the state of affairs for Siberian battalions’ officers, both in their duty status and in daily routine, turned out to be unfortunate. The need for supervising the officers’ financial and economic activities, as well as holding them back from hard treatment to their subordinates and civilian population, is shown quite clearly from the sources, which the author has been studying. This topic also proves that now it is time to research specifically the place and role of military servicemen in the life of the 18th-century Russian Empire. It is quite obvious that in order to carry out such work particular sources must be used where information about individuals engaged in military service can be found.

REFERENCES

1. Bykonya, G.F. (2007) *Kazachestvo i drugoe sluzhebnoe naselenie Vostochnoy Sibiri v XVIII – nachale XIX veka (demografo-soslovnyy aspekt)* [Cossacks and other official population of Eastern Siberia in the 18th – early 19th centuries (demography-estates aspect)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
2. Andreychuk, S.V. (2011) Stanovlenie Sibirskogo korpusa: struktura, chislennyy sostav i printsipy dislokatsii (1745–1771 gg.) [Formation of the Siberian corps: structure, staffing and deployment principles (1745–1771)]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 3. pp. 38–42.
3. Zuev, A.S. & Dmitriev, A.V. (2012) Armeyskie regulyarnye chasti v Sibiri v XVIII – nachale XIX v.: chislennost', sostav, dislokatsiya [Army regular units in Siberia in the 18th – early 19th centuries: Size, composition, deployment]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 11:1. pp. 17–29.
4. Bykonya, G.F. (1985) *Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoy Sibiri v XVIII – nachale XIX v. Formirovanie voенно-byurokraticheskogo dvoryanstva* [Russian exempt population of Eastern Siberia of the 18th – early 19th centuries. Formation of military-bureaucratic nobility]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
5. Isupov, S.Yu. (1999) *Biysk: ostrog, krepost', gorod* [Biysk: fort, fortress city]. Biysk: Biysk State Pedagogical Institute.
6. Akishin, M.O. (2003) *Rossiyskiy absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII v.: organizatsiya i sostav gosudarstvennogo apparata* [Russian absolutism and administration of Siberia in the 18th century: Organization and structure of the state apparatus]. Moscow; Novosibirsk: Drevlekhranilishche.
7. Anan'ev, D.A. (2005) *Voevodskoe upravlenie Sibiri v XVIII v.* [Provincial Office of Siberia in the 18th century]. Novosibirsk: ID Sova.
8. Zuev, A.S. (2009) Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraya polovina XVII – XVIII vek) [Annexation of Chukotka to Russia (second half of the 17th – 18th centuries)]. Novosibirsk: SB RAS.
9. Andreychuk, S.V. (2010) *Sibirskiy korpus v sisteme voенной bezopasnosti na yuge Zapadnoy Sibiri (1745–1808 gg.)* [Siberian Corps in the military security in the south of Western Siberia (1745–1808)]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
10. Andreychuk, S.V. (2011) [Sources of acquisition and personnel of the regular regiments of the Siberian Corps (second half of the 18th – early 19th centuries)]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical issues of historical research: a view of young scholars]. Proc. of the I All-Russian youth conference. Novosibirsk. pp. 60–66. (In Russian).
11. Dmitriev, A.V. (2011) Garnizонные части русской армии на территории Сибири в 1740-е гг. [Garrison of the Russian army in Siberia in the 1740s]. In: Malov, A.V. (ed.) *Edinorog'': Materialy po voенной istorii Vostochnoy Evropy epokhi Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [Edinorog: Materials on the military history of Eastern Europe of the Middle Ages and early modern time]. Vol. 2. Moscow: Kvadriga.
12. Tatarnikov, K.V. (2013) Predislovie [Preface]. In: Tatarnikov, K.V. *Posluzhnye i smotrovye spiski russkoy armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA. Mezhdofundovyy ukazatel'* [Records and inspection lists of the Russian army for 1730–1796 in Russian State Military History Archive collection. Inter-fund Index]. Vol. 1. Moscow: Staraya Basmannaya.
13. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. Vol. 43. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. II Otd. sobstv. e. i. v. kantselyarii.
14. Viskovatov, A.V. (1899) *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiyskikh voysk* [The historical description of clothing and weapons of Russian troops]. Pt. 4. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva.
15. Russian State Military History Archive (RGVIA). Fund 490. List 5. File 494. (In Russian).
16. Russian State Military History Archive (RGVIA). Fund 490. List 5. File 508. (In Russian).

17. Volkov, S.V. (1993) *Russkiy ofitserkiy korpus* [Russian officer corps]. Moscow: Voenizdat.
18. Russian State Military History Archive (RGVIA). Fund 490. List 5. File 510. (In Russian).
19. Myl'nikov, A.S. (2002) *Petr III: Povestvovanie v dokumentakh i versiyakh* [Peter III: Narration in documents and versions]. Moscow: Molodaya gvardiya.
20. Vigel', F.F. (2003) *Zapiski* [Notes]. Book 1. Moscow: Zakharov.
21. Dmitriev, A.V. (2013) [Combat experience of officers of garrison battalions of Siberia in the early 1770s: Track records data analysis experience]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical issues of historical research: a view of young scholars]. Proc. of the I All-Russian youth conference. Novosibirsk. pp. 100–107. (In Russian).
22. Andreychuk, S.V. (2009) Osobennosti ukomplektovaniya i snabzheniya Sibirskogo korpusa v nachale 1770-kh gg.: opyt i problemy [Features of staffing and supplying of the Siberian Corps in the early 1770s: Experience and problems]. *Vestnik altayskoy nauki*. 3 (6). pp. 121–129.
23. Dmitriev, A.V. (2010) [The level of discipline and violation of the law in the Russian army in the middle of the 18th century (social and political adaptation of troops in Siberia)]. *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical studies in Siberia: problems and prospects]. Proc. of the IV regional youth conference. Novosibirsk. 22–24 August 2010. Novosibirsk. pp. 54–62. (In Russian).
24. Leonov, O.G. & Ul'yanov, I.E. (1995) *Russkaya pekhota, 1698–1801: Boevaya letopis', organizatsiya, obmundirovanie, vooruzhenie, snaryazhenie* [Russian infantry, 1698–1801: The combat record, organization, uniforms, weapons, equipment]. Moscow: AST.
25. Volkova, I.V. (2005) *Russkaya armiya v russkoy istorii* [Russian army in Russian history]. Moscow: Yauza; Eksmo.

Received: 10 February 2016